

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ТРАДИЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена осмыслению роли исторической мысли в социально-политической жизни общества. В работе обосновывается категориальный статус понятия «историческое сознание». В качестве конкретизации этого термина анализируются такие категории, как «опыт народа», «традиции истории». Особое внимание уделяется функциям исторического сознания в общественно-исторической практике.

Ключевые слова: историческое сознание, исторический опыт, традиции, образ истории.

Изучение роли исторической мысли и образов прошлого в духовной и социально-политической жизни общества логически приводит к вопросу о специфике и содержании такого малоизученного в философском и социологическом плане элемента общественного сознания, как сознание историческое. Под *историческим сознанием* мы будем понимать в первую очередь совокупность представлений, присущих обществу в целом и его социальным группам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. В литературе, посвященной типологии, закономерностям и структуре общественного сознания, недостаточное внимание уделяется осмыслению места и роли функционирования знаний и представлений общества о своем прошлом. Последние, как правило, варьируются в пространственных и временных границах, начиная со всемирной истории в целом и заканчивая ограниченными хронологическими и региональными рамками отдельного исторического события. В советские времена в философских и методологических работах феномен исторического сознания, как правило, полностью игнорировался [см., напр.: 1; 2], хотя некоторые исследователи все же уделяли ему определенное внимание. Так, над этим понятием размышлял (конечно, в меру возможностей эзопова языка) Ю. Левада [3]. Его употреблял И.С. Кон, не отграничивая, впрочем, категорию «историческое сознание» от категории «историческое познание» [4]. Пожалуй, впервые категория «историческое сознание» была отдельно рассмотрена в работе А.И. Ракитова «Историческое познание» [5, с. 48–63]. Однако, несмотря на заявленную проблематику, в ней фактически отсутствовал анализ самой структуры исторического сознания. Справедливости ради отметим, что современные методологи признают «существование исторического сознания», но опять-таки всесторонне его не анализируют [см., напр.: 6, с. 229; 7, с. 109–112].

Данный пробел в философско-социологической литературе обусловлен во многом тем, что, как удачно заметил в свое время В.П. Тугаринов, «в создании (...) общей теории структуры общественного сознания дело пока обстоит примерно так же, как в

* © Тихонов В.А., Шестаков А.А., 2012

Тихонов Владимир Александрович (Tikhonov-Vladimir@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

квантовой механике, в которой, несмотря на собранный огромный материал, нет еще общей теории микрочастиц» [8, с. 118]. К сожалению, эта мысль В.П. Тугаринова справедлива и по сей день. Значительные затруднения подстерегают исследователя и на пути выделения исторического сознания как особого феномена, приближающегося по роли и способам функционирования в сфере общественного сознания к «признанным» формам последнего: сознанию политическому, философскому, нравственному, эстетическому, религиозному и правовому. По-видимому, трудности в отыскании надлежащего места для исторического сознания среди прочих форм общественного сознания детерминированы в первую очередь самой его спецификой.

В этой связи в ряде работ были предприняты попытки более точного определения его сущности. Так, И.С. Кон определял историческое сознание как «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [4, с. 15]. Однако каждая форма общественного сознания (политическая, нравственная, эстетическая и другие) имеет свои «исторические» элементы, те представления о прошлом, которые она призвана истолковать. Поэтому создается впечатление о так называемой «рассыпанности» знаний о прошлом человечества по «признанным» сторонам духовной деятельности общества. В этой связи следует, очевидно, подумать о причинах «непризнанности» исторического сознания в советский период, равно как и о слабой разработанности данной категории в современную эпоху.

К затрудняющим обстоятельствам в сфере осмысления исторического сознания добавляется также сложность соотношения «исторических» элементов с философско-историческими компонентами сознания общественного. На эту трудность указывал, в частности, В.П. Яковлев в своей работе «Социальное время» [9, с. 130–131]. Речь идет о соотношении (моментах и способах стыковки) различных форм общественного сознания — проблеме, вообще недостаточно изученной философами. Для ее освоения, на наш взгляд, требуются дальнейшие исследования по линии выделения черт автономии, относительной самостоятельности упомянутых форм духовной деятельности.

Нам представляется, что исследователи структуры общественного сознания зачастую неверно трактуют ту особенность сознания исторического, в соответствии с которой фактором «кристаллизации» его различных элементов в какое-либо отдельное образование является формирование, наличие своеобразного концептуального стержня. В этом случае представления о каком-либо аспекте социальной жизни начинают связываться с центральной идеей или темой, устанавливающей внутри общественного сознания некие «силовые» смысловые линии. Иллюстрацией подобной трактовки может служить *классовый подход*, который в его расширительном понимании породил, например, такие определения исторического сознания: «Ядро исторического сознания состоит в отражении исторического места и роли какого-либо класса в закономерном историческом процессе, особенностей становления и развития конкретных общественных формаций» [10, с. 34]. Очевидно, что при подобном подходе вполне возможно соединение силовыми линиями тех конкретно-исторических представлений, которые входят неотъемлемыми элементами во все формы общественного сознания. «Кристаллическая решетка» смысловых связей между этими элементами позволяет тем самым говорить о существовании особого духовного феномена, содержание которого и отражается категорией «историческое сознание».

Данный феномен вполне может играть роль самостоятельного компонента общественного сознания. Причем в различных исторических условиях сила связей между основными точками «кристаллической решетки» может варьироваться от значительной степени монолитности и активности до рыхлой, пассивной конструкции, роль которой в формировании и сохранении определенного духовного состояния является весьма незначительной. Разумеется, под историческим сознанием имеются в виду не

только научные или хотя бы проверенные историками-профессионалами факты и их интерпретации, но и все многообразные, стихийно складывающиеся представления, традиции, типологии исторических событий, память людей о движении событий, о прошлом своего государства, национально-этнической общины, класса, международной жизни и т. п. Непосредственные источники, формирующие эти представления, могут быть самыми разными: это и собственные жизненные впечатления, и деятельность средств массовых коммуникаций, и фольклор, и искусство, и воспоминания очевидцев событий, передаваемые следующим поколениям.

В историческом сознании, следовательно, можно выделить *эмпирический* и *теоретический* уровни знания, а также сферу обыденного сознания, включающую в себя в значительной мере явления социально-психологического порядка [5, с. 53–55]. Историческое сознание органично охватывает «...все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [3, с. 191].

Принимая во внимание данное обстоятельство, Б.Г. Могильницкий справедливо выделяет в сложной структуре исторического сознания три уровня, которые соответствуют его определенным ступеням и на которых происходит встреча человека с историей. Первая ступень — это «непосредственная встреча с историей», которой никто не в состоянии избежать, хотя и не всегда отчетливо ее осознает. Это элементарная форма исторического сознания; оно присуще каждому человеку независимо от образования и воспитания. Историческое сознание на этом уровне выражается в расплывчатых и подчас эмоционально окрашенных воспоминаниях о прошлом, полученных благодаря соприкосновению с историческими памятниками и символами, художественной литературой, собственному жизненному опыту и т. п. Оно еще не содержит в себе систематического знания об историческом процессе: образующие его представления хаотичны, отрывочны и зачастую субъективны.

Вторую ступень исторического сознания составляют собственно исторические знания, образующие в своей совокупности известную систему представлений о прошлом. Такие знания приобретаются в основном в результате систематического изучения истории. На третьей, высшей ступени исторического сознания осуществляется всестороннее теоретическое осмысление прошлого на уровне закона. Исторический опыт перерабатывается здесь в специфическое научное мировоззрение, воссоздающее целостный образ истории — более или менее законченное научное представление о природе и движущих силах развития человеческого общества, его основных этапах и закономерностях. Думается, лишь в этом случае справедливо говорить о «научном историческом сознании», способном объяснить человеческое прошлое во всей его сложности и противоречивости, во всех конкретно-исторических проявлениях общих законов развития человечества.

Следует учитывать значительное качественное различие между стихийным восприятием, складыванием представлений о конкретной истории и сознательным формированием научного общего образа истории и отдельных ее эпизодов. Отличительными особенностями стихийного этапа в развитии исторического сознания можно считать следующие его черты: 1) отсутствие специальных текстов, ориентированных на описание или обсуждение последовательности событий прошлого; 2) более или менее четкую фиксацию последовательности прошлых событий в рамках отдельного эпизода; 3) отсутствие четкой хронологии; 4) слабо выраженное понимание причинной зависимости событий; 5) изучение прошлого с целью выделения стандартов поведения, норм нравственности, образцов мудрых решений, достойных подражания, и т. п. [5, с. 53–54].

Стихийное усвоение опыта страдает (особенно на стадиях господства мифологического мышления) поверхностностью, односторонностью и эклектизмом, вследствие чего историческое сознание народа характеризуется большими пробелами в отношении знаний о прогрессивных аспектах многих важных событий отечественной и всеобщей истории. Ведь оно во многом определяется и уровнем общей культуры населения, и мерой умения тотальной пропагандистской машины «фильтровать» поток исторической информации, передаваемой в массовое сознание в существенно препарированном виде. Конечно, стихийно складывающаяся картина истории, ее отдельных важных звеньев, стихийный учет уроков предыдущих событий не гарантирует избежания повторения ошибок и догматического копирования изжившей себя тактики. Она отнюдь не застрахована от абсолютизации тех или иных методов и форм движения, равно как и от тенденции к превращению их в некую универсальную панацею, во всеисцеляющее средство от всех недугов.

Кроме того, стихийно складывающееся историческое сознание не может преодолеть национальной замкнутости и узости, затрудняет учет уроков относительно отдаленного прошлого своей страны и интернациональный обмен опытом. Одним из аспектов подобной стихийности можно считать, например, возврат современного религиозного фундаментализма к религиозному опыту прошлых тысячелетий.

В массовом историческом сознании особенно большую роль играют собственные жизненные переживания, впечатления об исторических событиях и процессах, очевидцами и участниками которых были они сами. Не менее важны и первичные обобщения своей собственной практической деятельности в той или иной сфере социального бытия, т. е. собственный опыт народа. Каждый народ, несомненно, обладает определенным кругом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях своего прошлого, о соотношении их с историей других общностей и всего человеческого общества в целом. Это те «исторические предания», которые составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, один из способов его самовыражения.

Участие в самых разнообразных формах социально-экономической и политической жизни просвещает народ, избавляет его от иллюзий, помогает осознать реальный облик различных общественных сил. Чем меньше люди имеют возможностей почерпнуть реальные социальные знания из прессы и других источников информации, чем больше их недоверие к данным источникам, обычно контролируемым политической элитой, тем большее значение приобретает их собственный политический опыт. Раскрытие и показ механики воздействия накопленного собственного опыта народа (прежде всего опыта одного поколения), а также опыта партий на их политическое поведение, на расстановку социальных сил, на содержание и динамику политических событий и особенно на течение быстро меняющихся исторических ситуаций — задача, требующая особого внимания со стороны историков, философов и социологов. В плане обеспечения надлежащей источниковой базы, ее обработки, в отношении исследовательской «технологии» (здесь требуется исключительная гибкость анализа, проникновения во все основные «переливы», «оттенки» социально-психологической ткани общественных движений) изучение данных вопросов является чрезвычайно сложным.

Впрочем, понятие «собственный опыт народа» не вполне однозначно. В широком смысле слова под ним можно подразумевать суммарный опыт различных слоев и групп народонаселения в национальных рамках. Его слагаемыми выступают традиции, навыки и представления, передаваемые из поколения в поколение представителям своей общественной группы, национально-этнической общности. Можно предположить, что неодинаковое воздействие сходных социально-экономических процессов на одни и те же социальные группы во многом обусловлено различиями в их

историческом опыте. Однако как бы ни был замедлен процесс развития политической культуры того или иного этноса или класса в силу сравнительной скудности этого опыта, тем не менее в недрах самого этноса (класса) происходит непрерывная внутренняя работа по переоценке, переосмыслению и учету всего пережитого опыта. В этом учете, естественно, большое значение имеют и наблюдения массового сознания за социальной практикой других стран.

Под понятием «собственный опыт народа» в узком смысле имеются в виду жизненные впечатления, практическая деятельность и их первичные обобщения на эмпирическом уровне в пределах одного поколения. Поколение — это объективно складывающаяся конкретно-историческая совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей. Эта совокупность характеризуется специфическими демографическими чертами, решением исторически определенных задач. Именно поэтому опыт своего поколения играет, как правило, решающую роль в сознании и действиях конкретной личности.

В структуре массового исторического сознания собственный опыт народа является, конечно, не единственным элементом: сюда входят также и реальные знания, и представления (возможно, ложные или сильно искаженные) об опыте других стран и народов, о более или менее отдаленном прошлом своего государства, региона и т. п. Однако данный компонент общественного сознания не служит простым вместилищем исторических фактов и различных эпизодов всемирной и отечественной истории. Ведь даже на обыденном уровне представления о событиях прошлого и настоящего сопровождаются их определенной интерпретацией [11, с. 13].

Следует отметить, что проблема индивидуальных интерпретаций истории чрезвычайно важна. Она стоит, в частности, в центре концептуальных построений постмодернистской историографии, но приобретает в ее рамках крайне релятивистский характер. Более взвешенной нам представляется в этой связи точка зрения отечественного исследователя А.Я. Гуревича [11]. В целом разделяя его воззрения, мы считаем возможным утверждать, что «образы» истории не идентичны у разных индивидов, социальных групп и т. д. К тому же историческое сознание одного и того же субъекта непрерывно изменяется как в количественных, так и в качественных параметрах.

Современные правящие режимы стремятся заполнить сознание народа такими толкованиями событий и так ограничить круг исторических сведений, чтобы парализовать энергию народа, возбудить агрессивные пласты психики, а иногда и милитаристские, националистические настроения. Так, одной из главных линий современной пропаганды (например, в США) является консервация стереотипов, представлений широких слоев американцев об основных преимуществах своей страны. При этом осуществляется целенаправленное игнорирование коренных социальных и политических реалий, сложившихся в остальном мире, в других странах. С болью и в то же время с презрением говоря о «стопроцентных» американцах, которым две мировые войны и мировой экономический кризис 1929–1933 гг. не раскрыли глаза на их положение, известный американский писатель Д. Болдуин отмечал следующее: «оказаться запертым в прошлом по существу означает, что у вас нет прошлого, поскольку вы никогда не сможете оценить его или воспользоваться его уроками, а тот, кто не способен пользоваться опытом, лишен возможности действовать в настоящем и поэтому никогда не бывает свободным» [12, с. 123].

Вместе с тем можно заметить также, что историческое сознание трудящихся масс — один из наиболее «неподатливых» для манипуляций духовных феноменов, ибо он постоянно «ускользает» из-под контроля. Речь в данном случае идет и о собственном опыте народа, и о многих других факторах, составляющих славу и гордость нации и сохраняющихся в народной памяти через фольклор, искусство и литературу, посред-

ством оппозиционных средств информации и т. п. Историческое сознание индивидов, благодаря по преимуществу их собственному личному опыту, обычно отличается гораздо большей устойчивостью содержания в сравнении с «признанными» формами общественного сознания (в сфере обыденного сознания). К тому же главное в историческом сознании – это все же действительные факты, известные одному или нескольким поколениям людей. Хотя, разумеется, в современную эпоху масштабных исторических потрясений об устойчивости исторического сознания людей можно говорить лишь в относительном смысле. Ярким примером такого рода быстрой смены ориентиров в представлениях о прошлом может служить современное российское сознание, с огромной скоростью меняющее своих избранников и кумиров.

В этой связи представляется возможным говорить и о несколько большей степени однородности массового исторического сознания различных социальных групп в сравнении, скажем, с сознанием политическим или философским. Хотя интерпретационный, идейный компонент является неотъемлемым для исторического сознания, тем не менее различные партии, общественные круги опираются на комплекс исторических сведений о национальном и всемирном прошлом, во многом однородный с фактографической стороны. Такая устойчивость и действенность исторического сознания вынуждает антидемократические силы с еще большей энергией укреплять свои опорные позиции на данном участке идейно-духовной жизни общества.

XX век знает и другой путь: мимикрию реакции под прогрессивные идеи. В данном случае историческое сознание при помощи господствующей пропаганды подвергается наибольшей деформации, как это было у нас в годы так называемого «социализма». Особым аспектом подобного (властями сфокусированного) исторического сознания является стремление масс и интеллигенции приспособиться к масштабной пропагандистской лжи. С этой целью вырабатывается особый эзопов язык, используемый в дальнейшем для трансляции исторических идей и факторов и рассчитанный на символически-метафорический контекст передаваемого сообщения. С другой стороны, демократическая интеллигенция активно использует заложенный в официальной пропагандистской идее гуманистический подтекст. Последний отслаивается в качестве «желаемого комплекса ценностей» для утопически ориентированного народа и в рамках феноменов искусства социалистического реализма, и в специальных научных и философских исследованиях.

Из всех компонентов общественного сознания историческое сознание играет особо важную роль в формировании и обогащении содержания такого важного элемента культуры, каковым является *традиция*. Отметим, что традиции представляют собой самое древнее и наиболее прочное средство сохранения социального опыта. Они выступают гарантией реализации норм и требований, предъявляемых ко всем членам данного общества или к входящим в его состав отдельным социальным группам. Традиции – это такие стандартизированные, устойчивые формы бытия и определенные итоги развития общественных отношений, которые с помощью копирования и воспроизведения определенных действий предшественников, непосредственного подражания им и следования их примеру закрепляют тот или иной тип социальной деятельности, включая в него деятельность настоящего и будущего поколений. Являясь механизмом накопления и передачи исторического опыта, традиции обеспечивают обществу экономию материальных и духовных сил, средств и времени.

Поскольку традиции отражают общественное бытие главным образом непосредственно, эмоционально, они представляют собой исключительную ценность для общества в плане сохранения, усвоения и относительно быстрого применения населением важных исторических уроков, организационно-политических и других навыков. Иные формы аккумуляции и распространения опыта и, в частности, теоретические,

научные или претендующие на научность формы его обобщения требуют от народа гораздо более значительных интеллектуальных усилий и времени. Дистанция между потребностями настоящего и массивом сконцентрированного, «переваренного» социального опыта в традициях минимальная, влияние же этого массива наиболее осязаемое, «зримое» как по степени активности в обществе, так и по масштабам распространения в массах. Поэтому основные черты традиций – предельная широта их действия во всех областях общественной жизни, их прочность, долговечность, нормативность и пр. – усиленно используются всеми заинтересованными социальными силами.

Итак, в традициях аккумулируется исторический опыт. Но он «закреплен» в них зачастую стихийно, в предельно сжатой форме и абстрагируется (особенно в массовом сознании) от гносеологических тонкостей их применения. Такое абстрагирование осуществляется с обязательным учетом диалектики общего и особенного, своевременного и несвоевременного, а также в соотношении с другими традициями, что свидетельствует о необходимости творческого подхода к ним.

Важно также отметить, что традиции, особенно не контролируемые со стороны научного исследования текущей социальной жизни, подвержены исторической инерционности. Поэтому в определенных условиях они становятся формами социального застоя, косности, рутины. С нашей точки зрения, особенно драматическая ситуация, вызванная господством консервативных традиций и так называемого традиционализма, сложилась сегодня в некоторых развивающихся странах. «Консервативная сила традиций в общественном сознании и экономическом бытии народов Азии и Африки, – как писал известный востоковед Р.А. Ульяновский, – встала стеной против прогресса, затрудняет движение вперед» [14, с. 70]. Эту мысль вполне можно повторить и сейчас, ибо традиции становятся одним из основных факторов отставания. А усилия прогрессивных лидеров по модернизации своих стран «сдерживаются тяжелыми цепями традиций, постоянным сопротивлением общественного и индивидуального сознания новизне» [14, с. 70].

Тем не менее традиции являются развивающимися социокультурными феноменами, а не некими неизменными стандартами. С течением времени они подвергаются определенному изменению и обновлению, происходит замена старых традиций новыми. Кроме того, имеет место постоянная борьба между основными традициями. Так что рано или поздно опыт последующих поколений проверит их жизненность, реальную ценность. И в конечном счете не соответствующие новым историческим условиям традиции и другие формы бытия опыта истории через различные направления социальной, идейной и нравственной эволюции, обязательно самоустроятся.

Получающее сегодня все большее распространение научное мировоззрение сводит к минимуму инерционность традиций, сближает их по основным качественным параметрам с более сложными рефлексивными механизмами усвоения и трансляции опыта. В этой связи с особой остротой встает проблема совмещения нового опыта со сложившимися и длительное время просуществовавшими национальными, социальными и религиозными традициями. Эта проблема всегда была одной из самых сложных для философской, социально-политической мысли и политической практики, особенно для обществ, страдающих засильем метафизики и догматизма в сфере социального мышления. В силу этого исключительно важным направлением современной исторической науки становится исследование всевозможных сюжетов по данной проблематике, проводимых на материале прошлого и современности самых разных стран. Однако в отечественной философской и общественно-политической литературе на сегодняшний день существует лишь небольшое количество исследований, где бы процесс осмысления данной проблемы был осуществлен на широком национально-историческом фоне, во всю глубину и широту общей проблематики социокультурной

жизни. Тогда как вопросы природы традиций, формирования их реального содержания, наличия тех или иных типов традиций в отдельных странах представляются кардинально важными.

Библиографический список

1. Уледов А.К. Структура общественного сознания. М., 1968. 324 с.
2. Демичев В.А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1969. 158 с.
3. Левада Ю.А. Историческое познание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969. С. 186–224.
4. Кон И.С. Проблема истории в истории философии // *Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. Вып. 4. Томск, 1966. С. 14–55.*
5. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. 304 с.
6. Колесников А.С. Роль методологии в развитии историко-научных исследований // *Историческое познание: традиции и новации*. Ч. II. Ижевск, 1993.
7. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. 174 с.
8. Тугаринов В.П. Философия сознания: современные вопросы. М., 1971. 199 с.
9. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов н/Д., 1980. 158 с.
10. Streisand J. Geschichtsbild und Geschichtsbewusstsein bei der Gestaltung und der entwickelten sozialistischen Gesellschaft // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1969. Н. 1.
11. Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1974. 128 с.
12. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // *Одиссей: человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века*. М., 1996. С. 5–10.

*V.A. Tikhonov, A.A. Shestakov**

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND TRADITIONS: PECULIARITIES OF THE FORMATION AND REPRODUCTION OF

The article is devoted to comprehend of a role of historical idea in a sociopolitical life of a society. In this work «the historical consciousness» is proved the status of concept. As a specify definition of this term such categories as «experience of people», «traditions of a history» are analyzed. The special attention is given functions of historical consciousness in socio-historical practice.

Key words: historical consciousness, historical experience, traditions, way of history.

* *Tikhonov Vladimir Alexandrovich* (Tikhonov-Vladimir@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.

Shestakov Alexander Alexeevich (ShestakovAlex@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.